

С. С. Волков

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКИ XVII в.

Подготовка к публикации О. С. Мжельской

Аннотация

Частные письма («грамотки») XVII в. имели определенную языковую нормированность: постоянно повторяющуюся внутреннюю структуру, набор устойчивых выражений, в которые оформлялось то или иное сообщение, и разнообразную лексику, выражавшую вежливость, почтение, заботу, ласку. Все эти языковые средства были традиционны и служили выражению эмоций и экспрессии. Сказанное не позволяет воспринимать частную переписку XVII в. (письма родственников, друзей, знакомых) как нечто такое, что непосредственно отражает разговорную речь русских людей XVII в.

Ключевые слова: грамотки XVII в., историческая лексикология, русская разговорная речь XVII в.

EMOTIONALLY EXPRESSIVE MEANS OF PRIVATE CORRESPONDENCE OF THE 17th CENTURY

Summary

Private messages («gramotki») of the XVIIth century had a certain linguistic normalization (constantly repeating internal structure, a set of stable collocations which resulted in one or another message) and diverse vocabulary that expressed courtesy, respect, care, caress. All these language means were traditional and served as an expression of emotions and expressiveness. Conclusions mentioned above don't allow to interpret private correspondence of the XVIIth century as something which directly reflects informal speech of Russian people of the XVIIth century.

Key words: gramotki (private messages) of the XVIIth century, historical lexicology, informal speech of Russian people of the XVIIth century.

Формирование русского национального языка в его устной и письменной формах находит свое отражение во всех разновидностях памятников письменности XVII в.: от высокой книжности до бытовой переписки. В 1964–1984 гг. сектором лингвистического источниковедения Института русского языка АН СССР были изданы новые материалы по истории русского языка XVII — начала XVIII в., деловые документы массового использования, в значительной своей части содержащие *грамотки* — письма этой поры¹. Материалы были названы их издателями и первыми исследователями источниками по истории народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. и отнесены к той разновидности письменных памятников Московской Руси, которая наиболее полно отражала общенародную разговорную речь той эпохи. Материалы частной переписки «доносят до нас старинную устную речь, представленную в письменном отражении, в наиболее непосредственном виде по сравнению с иными категориями письменных источников»².

Опубликованные под общим названием «грамотки» источники не едины по своему характеру. Среди них представлены: а) материалы частно-деловой переписки (вотчинной, поместной, торгово-предпринимательской), которые по своей форме и языковым особенностям совпадают с соответствующими актами официально-деловой письменности (отписки, наказы, челобитные и др.); б) некоторое сравнительно небольшое количество писем лиц, связанных служебными отношениями и переписывающихся в частном порядке по служебно-деловым вопросам (письма сослуживцев, отчеты и сообщения мирских выборных ходатаев по делам общества и т. п.), и, наконец, собственно бытовая эпистолярная письменность — в) материалы семейной и дружеской переписки родственников, друзей, знакомых, соседей, лиц разного социального положения³. По своему характеру и языку, по ис-

¹ Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965; Московская деловая и бытовая письменности XVII века. М., 1968; Грамотки XVII — начала XVIII века. М., 1969; Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. М., 1984.

² Котков С. И. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Вopr. языкознания. № 6. 1963. С. 107–116.

³ До 1964 г. были опубликованы лишь семейные письма царствующих особ (Алексея Михайловича, Петра Алексеевича) и членов их семей, если не считать берестяных грамот-писем XI–XVI вв.

пользуемым ими языковым средствам, в частности экспрессивно-эмоциональным, эти три разновидности отличаются друг от друга, хотя и опираются на одни и те же основания: обиходно-разговорную общенародную складывающуюся национальную речь, официально-деловую письменность и высокую книжность.

Как бы ни стремились некоторые историки русского литературного языка изыскать доводы, чтобы отказать деловой письменности и частной переписке в литературности, грамотки XVI–XVII вв. следует относить к *литературно-письменной* речи, поэтому не нужно воспринимать частную переписку, семейные письма-грамотки как нечто такое, что непосредственно отражает разговорно-бытовую речь русских людей того времени.

Анализ представленных в указанных изданиях собственно частных писем (семейно-дружеская переписка) показывает, что для них характерна определенная языковая нормированность (грамматическая, лексико-фразеологическая), хотя письма не только провинциальных, но и некоторых столичных грамотеев, профессионалов и непрофессионалов не отличаются твердой орфографией. Но письма-грамотки имеют строго определенный формуляр — набор тех устойчивых формул, в которые облекается, посредством которых передается то или иное сообщение. В грамотках широко используются этикетные элементы. Именно эти формулярные и этикетные языковые средства и их конкретное лексическое наполнение и несут эмоционально-экспрессивную нагрузку.

Собственно частным грамоткам свойственно выражение *особенного почтения, вежливости, внимательности* адресанта к адресату не только тогда, когда это письмо младшего к старшему или же стоящего на более низкой ступени общественного положения к находящемуся на более высокой ступени, но и тогда, когда адресант обращается к адресату письма с какой-либо просьбой (одолжить, например, семян на посев, присмотреть за кем-либо и т. д.). Адресанты выражают чувства нежности, ласки, заботы, беспокойства (особенно в письмах жен, матерей по отношению к мужьям, детям). Такова эмоциональная тональность грамоток, которая в подавляющем большинстве случаев сознательно выразительно подчеркивается во всем тексте письма.

Письма XVII века:

Гсдю моему Ивану Васильевичу Сенька Шукоцкой челом бьет даи гсди ты гсдрь мои здрав был на множество лѣт з гсдрнею моею сестрою

Анною Андрѣвною изволите гсдри мои спросит о моем художестве и моему окаянству Хсъ терпит августа по 26 де<нь> с Оксинею и с робятки жив пожалуи гсдрь мои Иван Васильевич прикажи к нам писат о своем многолѣтном здорвье и гсдрни моя сестры Анны Андрѣвны а я слышети о вашем многолѣтном здравии всегда жаден млсти прощу у тебя гсдря моего поклонися гсдрю моему брату Власию Григоревичу за сем тебѣ гсдрю моему и гсдрни моеи сестре Анне Андрѣвне вси прेमного челом бьем (Пам. Влад., с. 266, XVII в.).

Гсдрю моему Ивану Семеновичю Петрушка Хова <нский> челомъ бьетъ пожалуи гсдрь мои вели ко мнѣ писать о своемъ здор<овье> какъ тебя гсдря моего млсрдьи влдко хранит а пожалуешъ гсдрь мои по млсти своеи изволишь вѣдать про меня и я по указу великихъ гсдреи и пошел на их великих гсдреи службу в Киевѣ февраля по 10 де<нь> до воли Бжии живъ а впред уповаю на ево ж создавшего праведную волю сего гсдрь числа поѣхаль в Синбирскъ знакомецъ мои Яковъ Иванъ снъ Стечкинъ прощу млсти твои пожалуи гсдрь мои буди к нему млстивъ и о чемъ у тебя гсдря моего станеть млсти просит млстивно призри по томъ тебѣ гсдрю своему всяких блгъ желая прेमного челомъ бью (ИНРЯ, с. 64, 1694 г.).

Структура и формуляр.

Грамотка имеет следующие части, для которых характерны определенные формулы.

1. Вводная часть, включающая:

а) Указание на адресата в дательном падеже (минимум — имя, отчество), адресанта в именительном падеже (имя, фамилия) и челобитье — *кому кто бьет челом* 'приветствует, почтительно кланяться': *Гсдрю моему Ивану Ивановичю... Митка Яблочков* прेमного челом бью (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.); *Гсдрю моему* и другу сердешному *Ивану Семеновичю женишка твоя Дашка* прेमного челом бьет (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

Формула 'адресат — адресант — челобитье' может заменяться в письмах родителей или духовных лиц благословением *от кого кому* (или *чье кому*) благословение: *От Василя Бѣлина сну моему Ивану Василевичю блгословение и невѣстушке Анне Андрѣвне и мнуке Марюшке* (Пам. Влад., с. 253, XVII в.); *Старицы Софьи Кастѣвы гсдрю моему Ивану Василевичу [Белину] блгословение* (Пам. Влад., с. 265, XVII в.).

Наконец, возможно использование вместо указанных начальных формул именительного падежа обращения (имя и отчество как минимум): *Млстивои гсдрь Иван Ивановичь...* (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); *Блгдтль мои Иванъ Семеновичь...* (ИНРЯ, с. 69, XVII в.).

б) Далее следует примыкающее к начальной формуле пожелание здоровья: Гсдрю моему Ивану Семеновичю Ивашко Хованской челом бьет *здравствуи благодѣтел мой на многие лѣта* (ИНРЯ, с. 64, 1694 г.); Гсдрю моему и другу сердешному Ивану Семеновичю женишка твоя Дашка премного челом бьет *здравствуи друг мой сердешной Иван Семеновичъ на множество лѣтъ в млсти Бжии* (ИНРЯ, с. 67, 1696 г.); Блгодетел мой гсдрь Иванъ Ивановичъ *многолѣтно гсдрь и блгополучно и радосно здравствуи на многия лѣта* с Мареею Дмитривною и с Василемъ Ивановичем (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.).

в) Затем адресант обращается к адресату с просьбой сообщать о своем здоровье: *Прошу млсти братецъ гсдрь Иван Ивановичъ прикожи ко мнѣ писат про свое многолѣтноѣ здорове и про здорověе невестушкино и Василя Ивановича* (ИНРЯ, с. 20, 1692 г.); *Пожалуй прикажи писатъ про свое многолѣтняя здорovia а нам бы слышавъ про твое здарovia о Хрстѣ радоватися* (ИНРЯ, с. 25, 1697 г.); *А ко мнѣ друг извол писат о своемъ многолѣтномъ здорове чего я [жена] о тво-емъ блгоздравии по вся чсы слышати со усердиемъ желаю* (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

г) Адресант упоминает о себе и своих близких, где они находятся и здоровы ли они: *А про меня [двоюродного брата] гсдрь изволиш по млсти своей воспоменут и я в мешеской своей вотчины в дрвни Конской ноября въ де (так!) обретаюс в живых* (ИНРЯ, с. 20, 1691 г.); *А млстиво гсдрь учинишъ про меня убогова братишка своево напаметуешъ млстию своею. И я гсдрь братецъ на службѣ великихъ гсдреи сентября до 2-го числа обретаюся в живыхъ. А вперед уповаю на Христа* (ИНРЯ, с. 20–21, 1692 г.); *А пожалуешъ друг мои изволишъ о мнѣ вѣдат и я на Москвѣ с Катюшкою и с Парашенкою июня по 9-е число в добромъ здорове, ей, ей все в добромъ здорове* (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

2. Центральная часть письма.

Вежливое сообщение о событии, происшествии, деле, послуживших причиной написания письма. Оно начинается со слов *вѣстно (вѣдомо), тебѣ чиню* ‘извещаю, сообщаю’: *Прежде сего я убогии чинил тебѣ гсдрю вѣсно что в Помесном приказе по дѣлу выписка готова... а мнѣ убогому того дѣла без млсти твоеи вершит и о том бит челом невозможно и я тебѣ гсдрю вѣсно чиню* пожалуй по прежней и по сеи вѣдомости приѣзжай к Москвѣ не мешков (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); *Да послал я члвка своего Трифутку къ Москвѣ и ты пожалуй не покини ево а я на милость твою надежан во всемъ* (ИНРЯ, с. 25, 1697 г.); *Да вѣдомо тебѣ чиню брата Никифора Конкова женили маяя ж въ 21 де<нь> на бывшей твои своячине Даре* (Пам. Влад., с. 254, XVII в.).

3. Заключительная формула.

Грамотку завершает заключительная формула, в которую включается челобитье, прощание и нередко извинение адресанта за то, что редко пишет письма: *За симь Митка Яблочков премного челом бью* (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.); *По тому тебѣ друг мои премного челом бью* (ИНРЯ, с. 66, 1696 г.); *О сем писавьи Кирюшка Брусенцав премного челом бьет* (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); *Пожалуй гсдрю братецъ Иван Иванович не гневись что тѣбѣ гсдрю мало пишу а много челом бью. братишко твои Тимошка Кирѣвской* (ИНРЯ, с. 20, 1692 г.); *А преж сего не писал еи еи недосужно было* (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.).

Во всех своих частях письмо XVII в. использует различные эмоционально-экспрессивные, семантические, лексико-фразеологические и грамматические средства. Одни из них проходят через весь текст, другие включаются только в определенную его часть.

Во-первых, это этикетные экспрессивно-эмоциональные обращения и приложения к личному имени адресата и упоминаемых членов его семьи или заменяющему его в тексте письма личному местоимению — *государь мои* (*государыня моя, государи наши, свет мой и друг мой сердечный* (в женских письмах)), которые последовательно употребляются во всем тексте письма: *Свету моему гсдрю князю Василию Василевичу Иванова женишко <Стрешнева> Наска челом бьет здравствуи свѣт мои* на многие лета а ко мне прикажи писат о своем здорове как тебя *свѣта моего* Христос своею млстию хранит а про нас *свет мои* изволиш ведат и мы августа въ 13 де<нь> все дал Бгъ здоровы а впред уповаю на млсть Бжию по сем буди *свет мои* Бгом храним (МДБЦ, с. 30, 1677 г.).

Существительные *государь* (*государыня*) как почетный титул и форма обращения пришли в письма из официальной письменности, но в сочетании с местоимением *мой* они характерны только для частной переписки. Слово *свет* как ласковое обращение 'самое дорогое, равное по цене жизни' использовалось в житийных текстах и светских памятниках с XII в. и тесно связано с живой народной речью: *Увы мнѣ, увы мнѣ, како заиде, свѣте мои*, не суцу ми ту, да быхъ понѣ самъ чьстьное твое тѣло своима рукама съпрятялъ и гробу предалъ (Житие Бориса и Глеба); *И рече ему Буи Туръ Всеволодь: Одинъ братъ, один свѣтъ свѣтлыи* — ты, Игорю! (Слово о полку Игореве); *У свѣта моей у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жилъ во дворѣ* (Житие Аввакума)⁴. Приложение *государь мой* в формуле

⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 5. М.; Л., 1978. С. 94.

адресата дополняется усилительно-определятельными именованиями: *благодетель, добродетель, благожелатель, приятель*, последнее употребляется в значении ‘доброжелатель, заступник, оказывающий кому-либо покровительство’, и в сочетании с прилагательным *милостивый* акцентирует чувства почтения, уважения, благодарности адресанта к адресату письма. Нередко такие слова выстраиваются в цепочку, усиливающую воздействие на читающего письмо: *Благодетель мои* гдсрь милостивои *приятел* Иван Иванович (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.).

Далее, во-вторых, присутствует сознательное умаление собственной личности автором письма, также способствующее возвышению личности адресата: адресат именуется полным именем и отчеством, а адресант полуименем и фамилией, а в письмах близких родных только полуименем; термины родства выступают здесь в уменьшительно-уничижительной форме: Гсдрю моему брату Ивану Васильевичу *братишко* твои *Фетка Бѣлинъ* челом бью (Пам. Влад., с. 250, XVII в.); Гсдрю моему кнзю Василю Василевичю *женишка* твоя *Дунка* много челом бьет (МДБП, с. 22, 1677 г.). В концовке письма: За симъ писавьи *Митка* Яблочков челомъ бьетъ (ИНРЯ, с. 25, 1697 г.).

В-третьих, это использование в тексте письма эмоционально-экспрессивной лексики, прежде всего прилагательных и глаголов. Отметим серию эпитетов — прилагательных и наречий: *многолѣтний* и *многолѣтно*, *благополучный* (~ пребывание) и *благополучно*, *счастливый* и *счастливо*, *радостный* и *радостно*, *праведный* и *утешительный* (~ послание), *милосердный*, *благочестивый* (~ дом), *всесильный* (~ Бог), *премногий* и *премного* и многие другие, либо прямо называющие то или иное чувство или состояние, в котором находится кто-либо, или выражающие пожелание кому-либо, либо положительно характеризующие лицо. К эмоционально-экспрессивным элементам частной переписки относится и ряд глаголов, таких как *пожаловать* ‘оказать милость’, *изволить*, *поволить*, *похотеть* ‘выразить желание, проявить волю’, *многолѣтствовать* ‘жить долго’, *вспомануть*, *взыскать* ‘проявить, обнаружить что-либо’ и других, не только называющих определенное действие, но и выражающих отношение к нему.

Не буду останавливаться на экспрессивной функции религиозной лексики и фразеологии и на многих других аспектах письма той поры, создающих его специфическую эмоционально-экспрессивную тональность (употребление частицы *ей-ей*, инверсии, использование восклицательных, побудительных предложений с частицей *да* и

без нее, ритмическое построение фразы и части текста и мн. др.). Рассмотрю лишь обычные в письме разного рода тавтологические повторы слов и словосочетаний как одно из ярких средств выразительности, сознательно используемое автором (писцом): *Многолѣтъно* гсдрь и блгополучна и радосно здравствуи на *многия лѣта* (ИНРЯ, с. 19, 1691 г.); *Многолѣтъно* и блгополучно о Христе Бзе на *веки* здравствуи (ИНРЯ, с. 25, 1698 г.); Челомъ бью за твою премною к себѣ *заочную млсть* что *пожаловал* и *заочно млстию своею* *взыскал* (ИНРЯ, с. 23, 1698 г.); О чемъ у тебя станет человекъ мой о милости просит и тебе *пожаловат* *одолѣжит* *своимъ жалованьемъ* меня (ИНРЯ, с. 102, XVII в.); Гсдю моему *млстивому* *ко мнѣ* *приятелю* Ивану Василевичю *искател* *твоего млстиваго* *к себѣ* *приятства* Стенка Воронин челом бью (Пам. Влад., с. 255, XVII в.); Прошу у тебя друг мой Иванъ Семеновичъ *млсти* Гда ради... [друг] мои *не пѣчался* во всемъ уповай на *млсть* Бжию и *пожалѣи* *мѣня* и *детокъ* своих а у нас толко и радости что ты друг мои Бга ради *не пѣчался* (ИНРЯ, с. 65, 1696 г.).

Все сказанное показывает, что уже на начальном этапе формирования национального русского литературного языка его эмоционально-экспрессивному арсеналу были свойственны большие возможности не только в высокой книжности, переводной литературе, бытовой повести, но и в такой, казалось бы, периферийной сфере литературно-письменной речи, как эпистолярная письменность. Эмоционально-экспрессивные средства семейных, бытовых грамоток весьма разнообразны, включают элементы различных языковых уровней.

Сокращения

ИНРЯ — Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII–начала XVIII века. М., 1964.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край. М., 1984.